

РЪКА ШЕКСНА И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И ПРОМЫШЛЕННОМЪ ОТНОШЕНИИ.

Гривы и болота шекснинскихъ окрестностей. Черезполосныя неразмежеванныя дачи и хозяйство на нихъ. На что бы следовало обратить внимание на Шекснѣ. Логовище и берега Шексны. Весенне разливы и охота по веснѣ.

Вся плоская низменность шекснинскихъ окрестностей покрыта листовнымъ лѣсомъ. Породы его раздѣляются на двѣ половины: одна принадлежитъ гривамъ, другая болотамъ. На гривахъ, въ довольно частомъ насажденіи, растетъ осина, встрѣчающаяся то отдѣльными осталицами двадцати-саженныхъ деревьевъ, то густыми рожицами ровнаго и прямаго лѣса, выбѣжавшаго послѣ недавнихъ порубокъ. Береза находится въ смѣшеніи съ мелкимъ осинникомъ, тоже небольшими подростками и изрѣдка отдѣльными особями старыхъ, толстоствольныхъ дерѣвъ. Липа заселяетъ непроходимую чащею здѣшнія гривы, распространяясь по нимъ мелкою подрослю, ежегодно истребляемою въ огромнѣйшемъ количествѣ на лыки для лаптей и корзинокъ. Рябина и черемха встрѣчаются нѣсколько рѣже; дубъ, вязъ и клѣнъ мелкорослы, приземисты, съ большою дряблостію, обозначающею уже болѣзненное развитіе этой породы лѣса, обѣщающей со временемъ совершенно исчезнуть съ лица шекснинскихъ окрестностей. Кустарниковыя породы состоятъ изъ малины, расту-

Огд. VI.

1309273

щей, преимущественно на пожогахъ, черной смородины, шиповника и мѣстами жимолости. На гривахъ верхній слой почвы, ежегодно удобряемый листвою липы и другихъ древесныхъ породъ чернолѣся, состоитъ изъ тучнаго разсыпчатаго мергеля, дающаго превосходные урожаи тому заботливому землевладѣльцу, который не полѣнится сдѣлать росчисть подъ косулю. Немаловажное, однакожь, дѣло—подобная росчисть. Это не то, что рубить подсѣку въ хвойномъ лѣсу, коренья котораго не глубоки и горизонтальны. Здѣсь на каждый дубовый пень, рѣдкой сидящей въ землѣ, тратится множество силъ и труда, не говоря уже о мелкой зарослѣ липняка, о раскидистой осинѣ и вѣтвистыхъ, точно протянутые веревочные жгуты, вязовыхъ кореньяхъ. Болота, окружающія и во многихъ мѣстахъ прорѣзывающія гривы, покрыты довольно густо ольхой, березой, изрѣдка ивой, черемхой и ильшей. Въ здѣшнихъ болотахъ встрѣчается множество расплавей и маленькихъ озеръ, затянутахъ водорослями, пловучими островами и трясинами. При основаніи ольховыхъ и ивовыхъ деревьевъ, главной растительности здѣшнихъ болотъ, существуютъ высокія земляныя возвышенія, въ которыхъ прячется коренья дерева. Такія возвышенія называются *коблюхами* или *кубрями*. Они служатъ домовищемъ хорька, норки и горноста. Охотники, промышляющіе этими звѣрками, въ осеннее время постоянно бродятъ по болотистымъ кубрямъ съ простою русскою собакою, доставая ежегодно этою охотою рублей по 20—30 сереб. на человекъ. Между коблюхами растутъ торфяныя высокія кочки, съ косматою осокою, до того не твердыя въ основаніи, что сгибаются въ ту же минуту, какъ только на нихъ встанешь. Въ помочливое лѣто по болотамъ всегда бываетъ достаточное количество воды, представляющей хорошее укывательство для утиныхъ выводковъ и линяковъ, избѣгающихъ, въ этомъ случаѣ, роковой остроги дичеистребителя. Такія болотныя пространства часто разчищались прибрежными жителями подъ сѣнокосы. Сильныя перевалы воды, существующіе при раз-

ливахъ Шексны, илистыми наносами замывали кочки, выравнивали всё углубленія и со временемъ изъ-подъ болотной росчисти получался ровный, гладкій дугъ, съ богатою густою травою. Множество надѣлано такихъ росчистей около села Краснаго, деревни Воятиць, Верхняго и Нижняго Березова, и деревни Вороны. Это самыя богатѣйшія травянистыя мѣста по всей Шекснѣ, продовольствующія сѣномъ Мологу, Рыбинскъ, Пошехонье и половину комплекта коноводскихъ лошадей, участвующихъ въ тягѣ судовъ по маринской системѣ. Цѣны на сѣно стоятъ разныя, сообразно урожаю, времени года и судоходственной дѣятельности. Бывали года, что то сѣно, которое осенью продавалось отъ 9 до 12 коп. за пудъ, весною вдругъ дѣлалось по 35 коп. сереб. за пудъ.

Въ свое время шекснинскій лиственный лѣсъ славился своею великорослостію, объемистыми и прямыми, какъ стрѣла, дубами чудными, въ нѣсколько обхватовъ толщины, осинами и цѣлыми рощами могучихъ березъ, годныхъ на самыя лучшія подѣлки. Настоящее состояніе его далеко не таково. Березовыя рощи остались въ памяти народа только по названію урочищъ, на которыхъ красовались когда-то, а о исполинахъ-дубахъ скоро бы и память исчезла, еслибъ не находили изрѣдка обломковъ ихъ на глубинѣ при-шекснинскихъ озеръ и иногда въ самой Шекснѣ, почернѣвшихъ отъ воды и времени, и убѣдительно доказывающихъ богатую растительность прежнихъ временъ. На нашей памяти многія лѣсныя гривы при-шекснинскихъ окрестностей, когда-то богатая березовымъ и осиновымъ лѣсомъ, и изобилующія лѣсною дичью, до того истреблены и обезображены, что теперь съ трудомъ можно узнать самую мѣстность, на которой росъ лѣсъ, и по жалкимъ остаткамъ, плохо оправдывающимъ въ настоящее время даже названіе лѣса, нѣтъ возможности сдѣлать десяти шаговъ: до того все захламощено, завалено вершинникомъ и за даромъ срубленными толстоствольными осинами.

Невозможно было и не потерпѣть такого крушенія здѣшнимъ лѣсамъ: дачи, въ которыхъ они находились, очень недавно вышли изъ общаго черезполоснаго владѣнія, изъ-подъ этаго страшнаго и раззорительнаго бича, подъ которымъ нѣтъ никакихъ средствъ для охраненія поземельной собственности. Къ несчастію, еще не всѣ при-шекспинскія владѣнія достигли благодѣтельнаго размежеванія. Намъ очень хорошо извѣстна одна дача, занимающая одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ на Шекснѣ, съ превосходными полями и покосами, съ чудными рыбными ловлями и лѣсомъ на сплавъ, но жестоко бѣдствующая отъ самоуправства и неурядицы общаго владѣнія и черезполосицы. Это—село Красное, съ окружными деревнями (*). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лѣсъ въ этой дачѣ не былъ воспрещенъ владѣльцами на срубку для продажи, не смотря на то, что она находилась въ общемъ владѣніи. Крестьяне, руководствуясь такими наивными льготами на пользованіе лѣсомъ, истребляли его гдѣ кому вздумалось и сколько кому хотѣлось, платя имъ подати, и помѣщику оброкъ, справляя и праздники, которые, къ слову сказать, оченъ часты у при-шекспинскаго мужичка. Странно, что при тако́мъ неограниченно-свободномъ пользованіи лѣсомъ, не развилось никакой исключительной промышленности у Красносельцевъ и нисколько не обогатилось ихъ положеніе. Откупныя дѣла по городу Мологѣ шли только лучше, по жизнь крестьянъ велась какъ-то очень плохо, съ большими нуждами, какъ и теперь, не смотря на довольно цѣнный сбытъ лѣса въ видѣ дровъ, слани, кошевинка и жердей, и на грибильность коноводскихъ работъ, существующихъ по шекспинскому судоходству. Свободное пользованіе лѣсомъ продолжалось такъ долго, что помѣщичьи крестьяне имѣли понятіе о немъ, какъ

(*) Извлеченіе изъ этой статьи о состояніи черезполосной дачи села Краснаго сообщено было нами, въ началѣ прошедшаго года, подѣ буквами А. Т—ровъ, въ „Указатель Политико-Экономическій“.

о своей неотъемлемой собственности, и когда владѣльцы, схватившись за умъ, съ общаго согласія, воспретили рубку на продажу, долго не хотѣли вѣрить крестьяне въ законность этого воспрещенія, и много было возни съ самовольными порубками, дѣлаемыми въ явь.

Немного, однакожь, принесло пользы воспрещеніе. Въ настоящее время существующіе порядки въ красносельской дачѣ не лучше прежнихъ. Свободный въѣздъ въ лѣса, не воспрещенный крестьянамъ для домашняго своего обихода: для отопленія избъ, для сушки овиновъ, для жердей на огороды и проч., оставляетъ не менѣе безоцадные слѣды его истребленія, потому что производится безпорядочно, безъ всякаго надзора и притомъ со множествомъ плутней, которыя ускользаютъ отъ законнаго преслѣдованія владѣльцевъ, при снисхожденіи членовъ земской полиціи, устроившей въ этомъ случаѣ очень ловко взаимное отношеніе между карманами виновныхъ и своими. Подъ видомъ домашнихъ нуждъ оброчные крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ, живущихъ отдаленно, рубятъ лѣсъ на сбытъ и тайно сплавляютъ его подъ чужими билетами въ Рыбинскъ и Ярославль. Сколько разъ случалось намъ видѣть огромнѣшія полѣнницы березняка, для виду складенныя около овиновъ, на овинники для сушки хлѣба, но имѣющія со всѣмъ другое назначеніе: это заготовленное для себя добро спроваживается въ тихомолку при первой возможности въ продажу на пароходы или куда случится. А сколько истребляется молодой подрости липы на лыко для лаптей, развозимыхъ по сельскимъ рынкамъ, сколько вырубается дуба, черемхи и ивы на обручи, дуги, туруны для лодокъ, на колеса, полозья и ободья,—счета нѣтъ! Бывали примѣры, что въ зиму приготавлилось однимъ крестьянскимъ семействомъ по 10,000 черемховыхъ обручей, вырубленныхъ изъ общихъ дачъ для бочекъ на винные заводы. А производствомъ этимъ занимались въ селеніи семей шесть, семь, слѣдовательно переводъ 70,000 черемховыхъ, порядочно взрослыхъ деревцовъ надо положить každогоднимъ, не

считая огромнѣйшаго расхода этой породы лѣса на древесные канаты для гонки плотовъ и рыбной ловли. Но расходъ на ветлу, или корьевину, иву особой породы, при драгѣ корья, еще громаднѣе. Какъ только кончатся посѣвы яроваго хлѣба, бабы и дѣвки, старики и старухи, ребятишки и дѣвченки всѣхъ возрастовъ отправляются по болотамъ и бечевнику драть корье. Рѣдкое семейство не продастъ потомъ рублей на 20, на 30, этаго товара, идущаго въ большомъ количествѣ на всѣ кожевенные и дубильные заводы. Безошибочно можно положить, что одно Красное село, имѣющее около ста домовъ, производитъ каждое лѣто на 2,500 руб. сер. корья, продаваемаго въ сухомъ видѣ отъ 27 до 30 к. сер. за пудъ.

Еще бы было не такъ прискорбно видѣть крушеніе лѣса отъ самихъ лѣсовладѣльцевъ (?), но всякій частный народъ: церковники, отставные солдаты, солдатки, мѣщане и даже сосѣднія деревни, не входящія въ межу села Краснаго, слѣдовательно, не имѣющія никакого права на пользованіе лѣсомъ, всѣми возможными путями тащатъ чужое добро. Дача растянулась верстъ на двадцать на пять, углами вдавшись въ сосѣдственныя владѣнія и предоставивъ такую ломаную границу межей всѣ удобства для воровства и браконьерства. Охранять ее некому, потому что нѣтъ въ ней собственниковъ; дача общая, а «у семи нянекъ всегда бываетъ дитя безъ глазу».

Самое право свободнаго вѣзда въ лѣсъ для домашнихъ нуждъ отзывается удивительною безпорядочностію во всѣхъ общихъ неразмежеванныхъ дачахъ. Для рубки нѣтъ особо отведенныхъ участковъ, но предоставляется въ распоряженіе весь лѣсъ во всей дачѣ и во всѣхъ ея мѣстахъ. Въ иномъ мѣстѣ, случайно избавившемся отъ топора лѣтъ на семь, на десять, повыбѣжитъ лѣсокъ ровненькій и частый, но вдругъ вздумается пяти, шести семьямъ, именно на этомъ мѣстѣ, рубить дрова—и рубятъ, и запретить имъ этаго никто не имѣетъ права, потому что рубка производится для себя, на отопле-

ніе избъ и для сушки овиновъ. Еще бы сносно было, если бы рубили чисто, чтобы и сучья и вершины шли въ дѣло; но у нихъ бѣольшая часть дерева поступаетъ въ валежникъ, засоряя лѣсъ и препятствуя его росту. Сколько разъ намъ случалось видѣть—мужичку понадобится корыто, или колода аршина въ три, для этаго онъ свзлитъ огромную осину, отсѣчетъ отъ нея небольшой кражъ, а остальное броситъ гнить.

Еще безутѣшительнѣе, по причинамъ черезполосицы, состояніе пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій въ красносельской дачѣ. Здѣсь неурядица доходитъ въ поземельномъ владѣніи до крайнихъ предѣловъ, доводящихъ крестьянъ до печальныхъ послѣдствій—отвращенія къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ. Дѣленіе полосъ дошло до такой чрезвычайной дробности, что многіе изъ крестьянъ имѣютъ пользованіе пахатными и сѣнокосными землями болѣе, нежели въ шестидесяти мѣстахъ, съ трудомъ отыскивая ихъ на двадцатипяти-верстномъ разстояніи. Возможно ли водворить порядокъ въ хлѣбопашествѣ крестьянина, пользующагося клочками, разбросанными по всѣмъ направленіямъ дачи? Навозъ вывозится не во-время, запашка производится какъ попало, безъ всякаго раченія, какъ бы поскорѣе завершить дѣло, потому что крестьянинъ, вспахавши, на скорую руку, полосу въ два аршина шириною, долженъ ѣхать пахать въ другое мѣсто, за нѣсколько верствъ отъ перваго, гдѣ у него также есть полоса, тоже не болѣе двухъ аршинъ ширины, а тамъ въ третье, четвертое, пятое и шестое. Разѣзжая на тощихъ клячахъ по полямъ, мечась туда и сюда, крестьяне поздно кончаютъ засѣвъ, такъ что рѣдкій годъ не побивается тощій ихъ урожай морозами. Въ уборкѣ хлѣба съ полей и въ сѣнокосахъ встрѣчается то же затрудненіе въ разъединеніи силъ, тѣ же изнурительныя хлопоты и трата времени въ бѣготнѣ изъ конца въ конецъ по полямъ и нивамъ. За-частую, чтобы смѣтать стогъ сѣна въ полтораста пудовъ, мужику приходится свозить копны въ одно мѣсто изъ десяти и даже пятнадцати разныхъ мѣстъ, не рѣдко

отстоящихъ на нѣсколько верстъ другъ отъ друга. Стоитъ ли прилагать попеченіе о такомъ землевладѣніи? Правда, оно у Красносельцевъ и не прилагается: никогда не городятся одновременно огороды, за лугами нѣтъ никакого присмотра, скотъ пускается въ пахатныя поля тогда, когда они еще не у всѣхъ очищены отъ хлѣба; вслѣдствіе чего всѣ терпятъ отъ потравы, которая существуетъ въ этомъ безалаберномъ хозяйствѣ въ ужаснѣйшихъ размѣрахъ. И говорить нечего о порядкахъ здѣшнихъ озимовыхъ посѣвовъ: они никогда не начинались ранѣе 20-го августа. Если бывають у нѣкоторыхъ крестьянъ надежды на урожаи хлѣба и покосы, то это на нивахъ, расчищенныхъ въ разныхъ мѣстахъ красносельской лѣсной дачи. Но и къ этимъ послѣднимъ нѣтъ у нихъ надлежащихъ заботъ, которыя бы оправдывали хорошій урожай. И это очень понятно, если принять въ соображеніе, что помѣщики и крестьяне въ черезполосной неразмежеванной дачѣ—временные владѣльцы своихъ угодій; но собственности, которая бы пошла въ потомство, они не имѣють. Они знаютъ, что по размежеваніи, изъ этой общей дачи будетъ принадлежать имъ часть въ извѣстномъ количествѣ десятинъ разныхъ угодій, но въ какихъ именно мѣстахъ — этаго не знаютъ; слѣдовательно, и не стараются приложить трудъ къ тому, чѣмъ владѣють въ настоящее время, не заботятся объ улучшеніи полей, имѣя въ виду, что не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ когда нибудь, удобренная часть земли однимъ хозяиномъ будетъ принадлежать другому. Ясно, что въ основаніи самого пользованія нѣтъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя бы заставляли хлопотать землевладѣльцевъ и пещься о принадлежащемъ имъ, какъ о своей собственности, однажды на всегда за ними утвержденной.

Вообще всѣ дачи на Шекснѣ, находящіяся въ черезполосномъ владѣніи, не составляютъ для крестьянина никакой важности, особенно если пользованіе лѣсомъ не переходитъ за предѣлы домашнихъ нуждъ, въ противоположность порядкамъ красносельской дачи, находящейся на исключительныхъ

положеніяхъ неурядицы. Владѣя такую неопредѣленную собственностію, какова черезполосица, крестьяне не смотрятъ на нее, какъ на единственный способъ къ жизни, слѣдовательно, и не крѣпки къ ней душою, а только чтуть ее за оубдлость, которую она опредѣляетъ. Они, незаинтересованные земледѣльческими работами, исключительную дѣятельность свою направляютъ на лоцманскіе и коноводскіе промыслы, чрезвычайно выгодные по Шекснѣ. Только наступить весна, съ первымъ же судоходствомъ и до поздней осени, оброчные крестьяне, бросая полевныя работы и все хозяйство на руки бабъ, пускаются въ эти промыслы, нисколько не заботясь ни объ оставленномъ домѣ, ни о семьѣ. Тамъ они зашибаютъ большія деньги, хотя отъ большихъ барышей и мало остается для дома, потому что эти промыслы сильно портятъ ихъ нравственность, служа поводомъ къ пьянству, въ которомъ отлично напрактикуются они по харчевнямъ и кабакамъ шекснинскихъ пороговъ и, возвратясь подъ свою крышу съ развитою жаждою къ вину, вносятъ въ семейство бездѣтельность и раздоръ. Изъ сотни развѣ одинъ удержится въ себѣ и при деньгахъ, у девяноста же девяти потеряется въ винномъ угарѣ голова, и легко нажитая копѣйка не уложится въ карманѣ, а непременно поступитъ въ откупные доходы.

Если освобожденіе крестьянъ застанетъ здѣшнихъ владѣльцевъ при настоящемъ состояніи земель ихъ, то очевидно, что въ бытѣ крестьянъ Краснаго села и всѣхъ подобныхъ дачъ затруднится много тотъ благодѣтельный прогрессъ, который сулитъ намъ въ будущемъ сверженіе крѣпостнаго ига. Усадьбы составляя собственностію крестьянъ, не будутъ служить главнѣйшимъ условіемъ благосостоянія ихъ, не давая полныхъ залоговъ на счастье сельскаго поселенія; даже дѣлая поселанина хозяиномъ и собственникомъ, они не отвлекутъ его отъ бесполезнаго бродяжничества, а только дадутъ льготы къ нему, потому что крестьяне, непривлеченные поземельной собственностію, вовсе не будутъ заботиться о землѣ. Усадьбы, единственно по своей черезполосицѣ и общему владѣнію, имѣютъ

обратное значеніе, такъ что предоставленныя въ собственность крестьянъ, непременно навлекутъ множество тѣхъ невыгодъ, которыхъ страшатся землевладѣльцы отъ произвольнаго оставленія крестьянами ихъ деревень. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ уважаться и привязать къ мѣсту тотъ трудъ, который далеко не вознаграждается? Сословіе, незаинтересованное правомъ потомственной собственности на воздѣлываемую имъ землю, раздробленное въ своей дѣятельности въ этомъ предметѣ на мельчайшія части, естественно будетъ отыскивать иной родъ промысла, что очень не трудно сдѣлать при условіяхъ шекснинской мѣстности. Конецъ такому неопредѣленному владѣнію и недоразумѣніямъ настоящимъ и будущимъ могло бы положить размежеваніе дачи къ однимъ мѣстамъ; но множество владѣльцевъ, между которыми должна она дѣлиться, такъ несогласны между собою во взглядахъ на вещи и въ понятіяхъ о правахъ собственности, что никогда не состоится между ними полюбовнаго согласія въ дѣлѣжѣ, и красносельская дача останется на вѣки-вѣчныя въ беззлаберной черезполосицѣ, если не послѣдуетъ особенныхъ распоряженій къ ея раздѣлу.

Неустройство ли сельско-хозяйственнаго быта нашихъ крестьянъ, препятствующее всякимъ полезнымъ начинаніямъ, или просто недалъповидность и неповоротливость натуры нашей, требующей серьезной подготовки, только многое полезное, изъ чего бы могли хозяйство и промышленность извлечь свои выгоды, въ шекснинской природѣ остается забытымъ. На примѣръ, намъ извѣстно по берегамъ Шексны множество торфяныхъ озеръ и росплавей, занимающихъ цѣлыя десятки десятинъ земли и считающихся, по межевымъ планамъ, въ числѣ неудобныхъ угодій, но до того способныхъ къ осушкѣ, что стоитъ только прорыть неглубокій, въ нѣсколько десятковъ саженой длины, стокъ въ рѣку, и озеро осушено до послѣдней капли. Между рѣчкою Глухою и Шексною, во владѣніяхъ села Барка-Лутошкина и деревни Иерусалима лежитъ цѣлый рядъ такихъ озеръ. Глубина ихъ нигдѣ не превышаетъ,

въ самые помочливые года, полутора аршина, вмѣстѣ съ тонкою тиною, состоящею изъ перегнившихъ болотныхъ растеній и другихъ разложившихся органическихъ веществъ. Озера лежатъ на три съ половиною сажени выше уровня Шексны, протекающей отъ нихъ въ стасаженномъ разстояніи. При осушкѣ ихъ, тинистая вязиль составила бы верхній плодородный слой почвы и, безъ сомнѣнія, вознаградила бы незначительныя хлопоты богатѣйшими урожаями къ благосостоящую упомянутыхъ селеній, сильно нуждающихся, по малоземелью, въ сѣнокосныхъ и пахотныхъ угодьяхъ. Въ настоящее время озера эти не приносятъ ни малѣйшей пользы для экономической жизни крестьянъ. Только въ осеннюю пору, для нѣкоторыхъ любителей рыбной ловли, доставляютъ они небольшое количество карасей и то мелкихъ, да подростковъ-щучекъ, вылавливаемыхъ по первому льду мордами и мережками. Во многихъ мѣстахъ около такихъ озеръ и кое-гдѣ въ берегахъ Шексны сочтется красноватая вода съ голубымъ и зеленымъ отливомъ,—несомнѣнный признакъ желѣзныхъ рудъ. Ихъ никто здѣсь не извѣдывалъ, никто не потрудился, хотя бы когда нибудь, во время досуга, попытать счастья—углубиться, по этимъ признакамъ, въ нѣдра земли. Наконецъ работы по шексинскому судоходству—какой это важный источникъ кореннаго богатства для края; но по безпорядкамъ въ ходѣ этихъ работъ, по безсовѣстной потачкѣ своимъ чувственнымъ наклонностямъ, положительное перешло въ отрицательное, сдѣлавшись причиною разврата, праздности и пьянства (*). Плохо еще подгоняютъ насъ на пути къ прогрессу. Сильнѣе бы и рѣшительнѣе нуженъ былъ толчокъ, который бы вдругъ выхватилъ насъ изъ сумерекъ и поставилъ бы на твердыя ноги, для полезной дѣятельности. Полно намъ топтаться въ грязи и заминать въ нее и наши силы, и дары родной природы. *Пора осушать болота!*

(*) Смот. апрѣль в май „Вѣстника Промышленности,“ 1859 г., статью: „Разговоръ на станціи о судоходствѣ по р. Шекснѣ.“

До сихъ поръ обозрѣвали мы шекснинскія окрестности въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ окраины рѣки, не сказавши ничего о характерѣ ея логовища. Нѣсколько словъ объ этомъ будутъ здѣсь нелишними. Вытекая изъ Бѣлоозера, Шексна пробирается сначала рѣдеными тростниками, разбросанными небольшими кучками около плоскихъ, склонившихся до уровня воды береговъ. До Череповца фарватеръ каменистъ, грунтъ болѣе песчаный, нежели глинистый, берега голы, плоски и тоже со множествомъ камней и мелкаго булыжника. Извѣстные шекснинскіе пороги: Иванова-голова, Ниловицы, Коленецъ и другіе, суть слѣдствіе каменистаго дна и огромнаго скопленія камней по сторонамъ, отчего сжимается теченіе въ узкое русло, съ необкновенною быстротою несущее воду. Окраины береговъ около пороговъ ровны и плоски, но окрестности довольно возвышенны. Отъ рѣки Суды камни по Шекснѣ рѣдѣютъ, а около пустыни пропадаютъ совсѣмъ. Отъ этаго пункта Шексна течетъ въ крутыхъ и обрывистыхъ берегахъ. Въ иныхъ мѣстахъ они поднимаются отвѣсно, какъ стѣны, представляя въ разрѣзѣ наслоенія темнокраснаго, бураго, синяго и зеленаго ила, лежащаго довольно правильными пластами; въ иныхъ покрыты густо раakitникомъ, носящимъ здѣсь названіе бечевника, въ тѣни котораго растетъ высокій пырей, вьется ежевика, и ползетъ, какъ хмѣль, волчевина съ своими красными ягодами и красивыми копьеобразными листьями. Часто встрѣчаются въ шекснинскихъ берегахъ *отпалы*, голыя, какъ бы ободранныя мѣста, неприятно поражающія зрѣніе. Образованіе такихъ мѣстъ хорошо уясняетъ мѣстное названіе: ихъ зовутъ здѣсь *отползлями*. Во время весенняго разлива, въ берегу образуется продольная разсѣлина. Со временемъ берегъ отмоетъ по разсѣлину водою и сползетъ въ глубину вмѣстѣ съ раakitникомъ. Отъ этаго произойдетъ *отползь*, голый утесистый берегъ. До села Всесвятскаго пески по Шекснѣ очень рѣдки, если и попадутся, то не образуютъ такихъ мелей, какія бываютъ въ Волгѣ; вообще очень мелкихъ мѣстъ въ Шекснѣ нѣтъ. Отъ Всесвятскаго до Рыбинска бе-

рега Шексны выше и голѣе, чаще встрѣчаются пески и начинаютъ снова провертываться камни. Отъ большого склона и извилистаго положенія теченіе рѣки быстрое, вода мутная, буроватаго отлива. Глинистая почва и иль шекснинскаго русла придаютъ ей такой цвѣтъ.

Въ шекснинскихъ окрестностяхъ имѣютъ важное значеніе весенніе разливы. Они въ низовьяхъ Шексны распространяются, по плоской мѣстности, такъ широко, что соединяются чрезъ лощины и низменности съ разливами р. Мологи. Бываютъ года, въ которые полая вода достигаетъ чрезвычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ случаѣ много хлопотъ приносить она пришекснинскимъ жителямъ, потому что топить села и деревни, уносить огороды и холостыя здація, разбиваетъ слань, дрова, жерди, и прекращаетъ на цѣлый мѣсяць всякую возможность къ сухопутнымъ сообщеніямъ. Тогда скотъ со двора поднимается на повѣти, хлѣбъ перемѣщается изъ амбарныхъ застѣковъ на подволоки, постѣвъ яровыхъ запаздываетъ. Помочливая осень и высокое стояніе воды при замерзаніи рѣкъ, дружная весна, большіе снѣга и сторы Волги суть главнѣйшія причины большихъ разливовъ Шексны. Особенно важна послѣдняя причина, т. е. сторы Волги. При движеніи льда по Волгѣ, силою воды надвигаетъ въ узкихъ мѣстахъ *щеры* (*) другъ на друга, въ нѣсколько слоевъ, запруживая рѣку до самаго дна. Это называется *сториль*, ледяною плотиною. Такія ледяныя плотины строить Волга къ островамъ, около коихъ рѣка, раздѣляясь на два рукава, представляетъ двѣ узкія полосы воды, очень тѣсныя для прохода льда съ широкихъ мѣстъ. Преграждая свободу теченію, сторы, естественно, вдругъ возвышаютъ прибыль воды въ Волгѣ, которая, въ свою очередь, подпирая воды впадающихъ въ нее рѣкъ, обращаетъ теченіе ихъ назадъ, въ голову. Пришекснинскіе жители, по обратному движенію воды въ Шекснѣ и быстрому ея возвышенію, безошибочно узнаютъ о проходѣ льда по Волгѣ

(*) Щира—большая льдина.

и ея сторахъ. Тѣ же сторы льда и обратное теченіе воды удерживаютъ надолго шекснинскій ледъ. Уже Шексна выйдетъ изъ береговъ, всѣ окрестности захлебнутся разливомъ и даже лѣсъ затопится до половины его роста, а ледъ стоитъ себѣ черною лентою на своемъ мѣстѣ, тропнетъ и испаряется до тѣхъ поръ, пока вода не пойдетъ своимъ нормальнымъ путемъ и не позоветъ его съ собою къ низу. Ярославцы, видя плывущіе мимо ихъ города, запоздавшіе и потемнѣвшіе отъ долгаго застоя щиры шекснинскаго льда, дѣлаютъ очень наивное предположеніе, что на Шекснѣ, должно быть, живутъ все угольники, окрасившіе своимъ ремесломъ ледъ въ черный цвѣтъ. Можетъ быть, къ этому мнѣнію послужило поводомъ уломское производство гвоздями, но вѣдь имъ нельзя же зачернить весь шекснинскій ледъ, да притомъ щиры изъ Череповскаго уѣзда, въ которомъ Улома, никогда не достигаютъ Волги: ихъ растаскиваетъ по полямъ, лугамъ и лѣсамъ шекснинскихъ окрестностей, которыя во время ихъ хода находятся, какъ мы уже видѣли, въ затопленномъ состояніи.

Сказавши о шекснинскихъ разливахъ, кстати уже поговорить, хоть немного, и объ охотѣ, совершаемой здѣсь любителями по полой водѣ, въ запрещенное, весеннее время.

Зимою, по первому снѣгу, и великимъ постомъ, по намтамъ, переселяются въ лиственные при-шекснинскіе лѣса — зайцы. Вѣроятно, привлекаетъ ихъ сюда изобиліе осины и ивняка, кору которыхъ они любятъ глодать. При разливѣ — изъ низкихъ мѣстъ и болотъ, наполняемыхъ, разумѣется, прежде всего водою, сганиваетъ ихъ сперва на гривы, гдѣ они тѣснятся на самыхъ маленькихъ островкахъ. Въ этомъ злополучномъ положеніи застаютъ охотники трусливыхъ звѣрковъ, и начинается безжалостно-отвратительная бойня. Поперегъ островка плять тенета, съ обоихъ концовъ заводятся собаки съ загонщиками, зайцы возбуживаются, стремглавъ летятъ въ разставленные сѣти, гдѣ и гибнутъ подъ палками *шкурятниковъ*. Не рѣдко случается почтеннымъ охотникамъ набивать этимъ милымъ способомъ по 200—300 штукъ зайцевъ въ одинъ день. Мы очень

хорошо помнимъ, какъ совершали, близъ села, любители погонять зайцевъ свои экспедиціи на угольные ямы, облитыя со всѣхъ сторонъ водою, сгонявшею несчастныхъ косяковъ въ тѣсную кучу, и какъ привозили они оттуда полнехонько-нагруженные лодки этими зѣврями. Конечно, есть отговорка, что если не бить зайцевъ, то они перетонуть же, потому что рѣдкій годъ не скрываетъ вода всѣхъ тѣхъ гривъ, на которыхъ потѣшаются за ними охотники; но намъ случилось не разъ видѣть, что они и спасались, перебираясь на кучи плавающего хвороста, на колодины, даже на шекснинскій ледъ, увлекающій ихъ вмѣстѣ съ собою внизъ по теченію и нерѣдко прибивающій куда нибудь къ сушѣ.

Болѣе егарьская охота весною—это съ подѣзда въ лодочкахъ за тетеревами-березовиками, слывущими въ народѣ подъ именемъ косачей или польниковъ. Всѣмъ извѣстно, что тетерева весною имѣютъ токи на опредѣленныхъ мѣстахъ, на которыя самцы слетаются для любострастнаго свиданія съ самками. Во время большихъ разливовъ, когда вода покрываетъ на дальнее пространство всю сушу, тетерева, составившись, перебираются на высокія березы и раскидистыя сучковатыя осины, и на нихъ устраиваютъ свои токовища. По утренней зорѣ, во время яровитаго бормотанья тетеревей, охотники отправляются за ними въ маленькихъ лодочкахъ, носящихъ названіе *подѣздковъ*. Подѣздочки эти устраиваются обыкновенно изъ цѣльнаго осиноваго дерева, обтесаннаго въ форму челнока, выдолбленнаго и плоско разведеннаго съ помощію огня. Такимъ же способомъ устраиваются въ при-шекснинской сторонѣ и большія лодки, до пятнадцати аршинъ длиною, такъ что съ двумя набоями они въ состояніи поднять человѣкъ до семидесяти съ совершенною безопасностію на валахъ во время бури, потому что длинны и плоскодонны, не то, что волжскіе дощеники, называемые, въ отличіе шекснинскихъ лодокъ, душегубками. И такъ въ маленькомъ подѣздочкѣ тихо подѣзжаютъ охотники, на утренней зорѣ, къ стаду польниковъ, размѣстившихся по осинамъ. Токовиць не замѣчаетъ прибли-

жащейся опасности. Онъ, утѣвшись на самый нижній сукъ, весь погрузился въ разсматриваніе самого себя чрезъ отраженіе въ водѣ, и, сердито насупившись надъ своимъ изображеніемъ, глухо токуетъ, безпрестанно повертываясь и чужая. Первые въ стадѣ окажутъ безпокойство приватные самцы. Они начинаютъ кerkать, переминаясь, ходить по сучьямъ, вытягиваться и присѣдать. Это самые вѣрные сигналы къ стрѣльбѣ; еще нѣсколько секундъ, стадо спимется и улетитъ. Тетерки допускаютъ ближе, и потому въ стрѣльбѣ съ подъѣзду ихъ губится больше, вопреки всеѣмъ охотничьимъ соображеніямъ, предписывающимъ беречь самку весною въ ожиданіи отъ нея приплода. Надо замѣтить, что удача въ охотѣ съ подъѣзду много зависитъ отъ состоянія погоды. Въ ясную—рѣдко допускаютъ тетерева въ мѣру, особенно если они сидятъ кучнымъ стадомъ; въ пасмурную, тихую и теплую погоду они плотно сидятъ на деревьяхъ, схохлившись и прижавшись къ древесному стволу, и допускаютъ на самое ближайшее разстояніе, такъ что охотнику случается подъѣхать подъ самое дерево, сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, и стадо не спимется. Охота эта очень добычлива: нерѣдко случается привозить охотникамъ на одну лодочку штукъ по 20 и болѣе тетеревей, изъ коихъ непременно двѣ, три самки. Въ маленькую воду въ подъѣздѣ къ полянкамъ очень мѣшаетъ чаща лѣса, чрезъ которую приходится иногда пробираться охотникамъ; но въ большую—это препятствіе совершенно устраняется, потому что изъ воды видны однѣ только верхушки небольшого лѣса, составляющаго густой подѣздъ, а иногда онъ и совсѣмъ скрывается подъ водою, лишь осины да березы, среди безграничнаго кругозора, высятся надъ разливомъ своими шапкообразными вершинами.

На гривахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть расчисти, и если онѣ еще не затоплены водою, то на нихъ собираются дупеля и устриваютъ свои токи. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ безчисленнѣйшее множество насивается этой прелестной дичи въ пору ихъ спариванія, въ этомъ безсознательномъ чадѣ

брачныхъ соединеній, когда бы и законъ, и совѣсть должны были остановить сокрушающую руку охотника. Не понимаемъ, что за удовольствіе убивать дичь, которая, вся принадлежа страсти, не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія къ самосохраненію, бѣгаетъ подъ ногами и не боится выстрѣловъ. Къ несчастію, стрѣльба дупелей на токахъ распространена очень широко. Изъ писемъ Сѣверянина, печатанныхъ въ «Русскомъ Дневникѣ», видно, что она свирѣпствуетъ, какъ эпидемія, даже въ Вологодской губерніи, производя быстрое уменьшеніе этой дичи. Но въ Костромской губерніи, около озеръ, пограничныхъ Даниловскому уѣзду, поступаютъ еще лучше: тамъ ловятъ дупелей весною на токахъ петлями и сѣтями, уничтожая этимъ страшное ихъ множество.

Едва начнетъ убывать вода, около 26-го апрѣля, или въ первыхъ числахъ мая, длинными вереницами потянутся гуси по направленію къ Бѣлоозеру. Первые стаи летятъ не останавливаясь; но какъ только покажутся изъ-подъ воды на поляхъ островки съ прошлогоднею жнивою, взѣрошенной разливомъ, гуси сейчасъ же дѣлаютъ ихъ своими остановочными пунктами, безчисленными стадами спускаясь для отдыха и ночлега. Не рѣдко стадо кочуетъ по такимъ островкамъ дня три и четыре, перелетая съ одного на другой и выбирая мѣста открытыя, чтобы издалека замѣчать всякую опасность. Но лишь только отъ убыли воды островки начинаютъ соединяться и образовывать поле, стада гусей рѣдѣютъ, мало останавливаются для отдыха, дѣлаются чрезвычайно осторожны и наконецъ вмѣстѣ съ слитіемъ воды, совсѣмъ оставляютъ шекнинскія окрестности. Въ добычу охотникамъ пролетныхъ гусей достается немного. Голыя мѣста, которыя они преимущественно избираютъ своимъ становищемъ, и чрезвычайная осторожность гусей дѣлаютъ эту охоту утомительною и малодобычливою; но за то достаточное количество истребляется ихъ крестьянами посредствомъ простыхъ заячьихъ капкановъ. По жнивѣ, около самой воды, на тѣхъ островкахъ, гдѣ преимущественно любятъ приставать гуси, разставляютъ капканы,

искусно прикрывая землю и жнивою. Гуси, бродя и щелуча мутную воду, попадают въ нихъ лапой, а иногда и головой. Особый родъ честнаго промысла.

Всякой другой дичи: журавлямъ, куликамъ разныхъ породъ, бекасамъ, уткамъ всевозможныхъ видовъ, куропаткамъ, вальдшнепамъ, тоже конечно спуску не дается. Всего же больше страдаютъ здѣсь несчастные курохтаны. Эти милovidныя птички показываются въ при шекснинскихъ окрестностяхъ огромнѣйшими стадами на убыли воды, по заплескамъ; но не на жнивахъ, не на мѣстахъ, гдѣ прошедшаго года былъ хлѣбъ, а на луговыхъ островкахъ любятъ онѣ бѣгать по земляной травкѣ, около самой воды. Въ лодкѣ допускаютъ онѣ близко, и при этомъ всегда сгруживаются, такъ что за одинъ выстрѣлъ изъ широкаго ружья легко положить ихъ штукъ десять. Замѣчательно, что курохтаны здѣсь не долго держатся, и со слитіемъ воды скрываются до слѣдующей весны—неизвѣстно куда.

Ф. Арсеньевъ.